

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В СОЦИОЛОГИИ НАЧАЛА XXI в.

N.L. Polyakova

NEW THEORETICAL PERSPECTIVES IN SOCIOLOGY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Статья посвящена анализу основных теоретико-методологических и теоретико-эмпирических дискурсов, оформивших современную социологическую теорию.

Ключевые слова: конструктивизм, культурализм, теоретико-методологический дискурс, теоретико-эмпирический дискурс, эндизм, глобализация, постмодерн, постиндустриализм, контейнерная теория, социальная ортодоксия.

The paper analyzes the major theoretical-methodological and theoretical-empirical discourses which are shaping the present-day sociology.

Key words: constructivism, culturalism, theoretical-methodological discourse, theoretical-empirical discourse, endism, globalization, post-modernity, postindustrialism, container theory, sociological orthodoxy.

Современная социологическая теория создается и функционирует в новом историческом и социальном контексте. Оформление этого контекста началось в 70-е гг. XX в. и было сопряжено с Третьей промышленной революцией, а также с процессом глобализации, теоретическое осмысление которой в полной мере оформилось в 1990-е гг.

Эти исторические события в полной мере породили серию теоретико-методологических и теоретико-эмпирических дискурсов (дискурс эндизма, сопряженные с ним дискурсы постиндустриализма и информационного общества, постмодернистский дискурс, а также дискурс глобализации), которые в своей совокупности определили трансформацию содержания и структуру современной социологической теории и предложили новый диагноз современности.

Что касается теоретико-методологического дискурса, то его оформление началось на заре 1970-х гг. Сам момент его зарождения можно увязать с широко развернувшейся критикой структурно-

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: theory@socio.msu.ru

функционального анализа, со “спором о позитивизме”, проходившем в немецкой социологии, с диагнозом кризиса, вынесенного классической социологической теории, и с поиском путей выхода из этого кризиса, часто по-разному понимаемому различными теоретиками. Можно вычлениить и указать на множество аспектов и перспектив, с опорой на которые социология рассматривалась как переживающая кризис, однако существует фундаментальное проблемное ядро, вокруг которого и развернулись основные социологические дискуссии. Этим ядром является вопрос о природе социологического знания и связанные с ним вопросы социологического метода, природы социальной реальности, “научности” социологии, ее отношения к идеологии, ценностной нейтральности социологического метода. Ревизия классической социологии, осуществленная в рамках дискуссий о единстве социологического знания и методологии построения социологической теории, привела к созданию целого ряда фундаментальных теоретико-методологических построений современной социологии.

Теоретико-методологические подходы — это подходы, на основе которых осуществляется построение теории. Они содержат интерпретацию природы социальной реальности, а также разработанную систему представлений о социологии как науке и ее методе.

Среди наиболее влиятельных неоклассических построений следует назвать социологическую теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теорию структуризации Э. Гидденса, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, системную теорию Н. Лумана, позиционную теорию общества Р. Дарендорфа, теорию общества, основу которой составляет теория социальных движений А. Турена, культурсоциологию Дж. Александера. Ими были созданы не только собственно социологические теории общества, но шире — предложены программы социологического теоретического исследования, в рамках которых были переосмыслены базовые представления о современности и предложены соответствующие теоретико-методологические подходы.

Анализ этих неоклассических теоретико-методологических построений современной социологии указывает на следующее. Прежде всего в рамках этих построений была осуществлена фундаментальная критика классической социологической теории, ее базовых представлений, укорененных в философско-историческом горизонте, радикально пересмотрен вопрос о природе социального и в связи с этим осуществлена ревизия структурализма и функционализма, сфера использования этих методологических подходов была резко сужена. Второе: главной проблемой при построении теории стала проблема соотношения агентности и структуры, теории социального действия и функционального анализа. В резуль-

тате на передний план социологического анализа вышли две главные методологические стратегии — конструктивизм и культурализм.

Сказанное очень емко в середине 80-х гг. выразил А. Турен: “...то, что мы называем обществом, является системой, но это система действия. И действие означает не только решение: оно предполагает и культурные ориентации, существующие в области конфликтных социальных отношений. Конфликт не означает ни противоречия, ни бунта, он является социальной формой историчности, формой самовоспроизводства общества. Мало-помалу вне эволюционизма формируется анализ обществ, которые в результате долгого периода роста и кризисов, атомных угроз, тоталитаризмов и революций, пришли к убеждению, что они должны познать самих себя в качестве продукта собственного действия, а не как проявления человеческой природы, смысла истории или первоначального противоречия. По ту сторону соперничества школ и ограниченности специализации происходит мутация социологии”¹.

Конструктивизм и культурализм в качестве базовых методологических подходов в построении социологической теории довольно часто пересекаются и дополняют друг друга, например у того же А. Турина или П. Бурдьё, но существуют и достаточно чистые формы их использования, например конструктивизма — в теории структуры Э. Гидденса или аутопойезиса Н. Лумана, а культурализма — в культурсоциологии Дж. Александера.

Культурсоциология Дж. Александера является очень примечательным теоретическим явлением в современной социологии. Опираясь на критику структурно-функционального анализа, Александер создает совершенно новый тип социологического анализа и теории — культурсоциологию. Он указывает, что социальные науки всегда исходили из того, что люди действуют в обществе без полного понимания ситуации. Социологи приписывали это силе социальных структур, они всегда подчеркивали принудительные аспекты социальной жизни. Однако существуют коллективные силы, которые не являются принудительными и на которые люди откликаются добровольно и с энтузиазмом. “Мы уступаем этим силам, — продолжает Александер, — не зная даже почему, это происходит из-за содержащегося в них смысла”². Это “внутренняя сторона” все тех же социальных структур, действенная по отношению к акторам. Они исполнены смыслами, которые тоже порождены обществом и упорядочены. Необходимо научиться делать их видимыми. В этом и состоит задача культурсоциологии — в том, чтобы вывести бессознательные культурные структуры (риторики, нар-

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 82.

² Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013. С. 44.

ративы), регулирующие общество, на свет разума. Понимание может изменить эти структуры, но не может их разрушить, потому что без них общество не может выжить.

Он заключает: “За последние пятнадцать лет сформировался новый, специфический культурный подход к социологии. Такого подхода не было никогда ранее за все сто пятьдесят лет существования этой дисциплины. Более того, такого подхода с позиции культуры не было и в других социальных науках, которые занимают современной или сегодняшней жизнью”³.

Культурсоциология помещает коллективные чувства и идеи в центр своих методов и теорий потому, что именно эти субъективные и глубоко скрытые чувства представляются истинными представителями мира. “Социально сконструированная субъективность формирует волю коллективов; создает правила в организациях; определяет нравственную сущность закона и обеспечивает смысл и мотивацию для технологий, экономик и военных машин”⁴.

Два подхода — конструктивизм и культурализм — стали базовыми в рамках построения современной социологической теории. Как было указано, их оформление было связано с соответствующей критикой прежней социологической теории. Однако конструктивистский и культуралистский подходы во многом стали также результатом разработок, осуществленных в рамках указанных выше теоретико-эмпирических дискурсов — эндизма, постиндустриализма, постмодерна и глобализации.

Теоретико-эмпирические построения имеют целью дать картину, и, если возможно, полную, вынести диагноз ставшей или становящейся социальной реальности посредством теоретического анализа. Сам результат такого исследования также претендует на то, чтобы быть теорией.

Указанные теоретико-эмпирические дискурсы в своей совокупности ориентированы на исследование нового социального состояния и обладают общими характеристиками, как-то: все они выстраивают свои теории через соотнесение с предшествующей социологической традицией и классической социологической теорией, осуществляя ее критику и вырабатывая новое видение проблем и их новую концептуализацию. Это обстоятельство определяет тот факт, что они очень часто сходятся и пересекаются, особенно в той части, которая касается критики предшествующей традиции в социологии. В этом отношении особое место занимает дискурс, или культура, эндизма, который фактически своими ин-

³ Там же. С. 46

⁴ Там же. С. 47.

тенциями и даже своей понятийностью и проблематикой проникает в дискурсы постиндустриализма, постмодерна и глобализации.

Дискурс эндизма был первым по времени теоретическим дискурсом, осуществлявшим концептуализацию современности. Речь идет об использовании метафоры “конца”, “исчезновения”, “смерти” для того, чтобы продемонстрировать устарелость или уход в прошлое целого ряда практик и институтов, характерных для обществ XIX и первых двух третей XX в. Были созданы теории “конца идеологии” (Р. Арон); “конца истории и последнего человека” (Ф. Фукуяма); в рамках постмодернистской социологии был развернут тезис о конце субъекта и конце социального; исчезновения детства (Н. Постман); конца революций (А. Турен); конца труда (Р. Дарендорф, К. Оффе, Дж. Риффкин); конца природы и конца традиций (Э. Гидденс) и др.

Все эти теории, разрабатываемые в рамках “культуры эндизма”, осуществляют концептуализацию современности через соотнесение с предшествующим социальным состоянием, через отрицание адекватности основополагающих принципов модерна и его социальных институтов для прочтения современности, через указание на устарелость фундаментальных социальных практик обществ XX в. В этом плане особое место по своей теоретической значимости занимают теории “конца труда”, “конца трудового общества”, поскольку именно этот теоретический дискурс стал водоразделом, отделившим классические социологические подходы, опиравшиеся на “трудовую парадигму” в построении теории общества, от современной теоретической социологической мысли конца XX — начала XXI в.

При всей разнице подходов и теоретических установок, существующих у различных исследователей в осмыслении ими “трудового общества” и специфики наблюдаемого исторического перехода, все они выделяют несколько характерных процессов и явлений. Совокупность этих явлений и составляет концепцию “конца трудового общества”, которая получила наиболее разработанную форму у Р. Дарендорфа и К. Оффе.

Трудовое общество, о конце которого заговорила социология, в общем и целом совпадает с промышленным обществом, т.е. обществом, основывающимся на примате производственной сферы. Поэтому конец трудового общества означает, что “труд и позиция работающих в процессе производства не рассматриваются более как главный организующий принцип социальных структур; динамика социального развития не рассматривается как возникающая из конфликтов по поводу контроля промышленного производства; оптимизация технико-организационных отношений или экономических средств и целей посредством индустриальной ка-

питалистической рациональности не рассматривается более как форма рациональности, которая приведет к дальнейшему социальному развитию”⁵.

Основные положения теорий “смерти трудового общества” позволили утверждать устарелость тезиса об экономической фундаментальности общества, его укорененности в системе производства, устарелость классового подхода к анализу социального неравенства в современных обществах, устарелость теории классового конфликта, в целом роли труда, его разделения и дифференциации в качестве основополагающего принципа, дифференцирующего и структурирующего систему социальных отношений и процессов в обществе.

Все это привело к описанию современных обществ как пост-трудовых и в этом смысле постклассовых, к появлению теорий, имеющих целью заменить старое и предложить совершенно новое видение социальной структуры и социального конфликта. Теории социальной структуры, основу которых составлял классовый анализ или теории дифференциации, укорененные в системе разделения труда, стали вытесняться различного рода теориями “позиционной” структуры общества или социального пространства с их опорой на индивидуализм и отказ от любых коллективностей. Примерами теорий “позиционной структуры” могут служить теории социального пространства Р. Дарендорфа или П. Бурдьё, демонстрирующие классические варианты социологического конструктивизма.

Теории “конца труда” и “конца трудового общества” сыграли очень значительную роль в оформлении второго дискурса — теорий постиндустриализма и теорий информационного общества.

Постиндустриалистский дискурс оформился в начале 1970-х гг. и достаточно плавно перерос в теории информационного общества. Теоретики постиндустриального общества и информационного общества разрабатывали свои теории исходя из того факта, что промышленные капиталистические общества XIX — первой половины XX в. ушли в прошлое вкуче со всеми их фундаментальными характеристиками: особой структурообразующей ролью промышленного труда, классовой системой социального неравенства и социальным конфликтом, укорененными в системе промышленного производства. Им на смену пришли новые общества, определяемые сервисным сектором, сервисным типом труда. Сфера услуг постиндустриального общества — это сфера деловых и профессиональных услуг, это “индустрия знаний”.

⁵ *Offe C. Disorganized capitalism: contemporary transformation of work and politics. Cambridge; L., 1985. P. 132.*

Фундаментальные изменения в самом характере труда и оформлении сервисного сектора в качестве доминирующего, определяющего промышленный сектор и задающего ему тип рациональности и его организацию, позволили теоретикам постиндустриализма говорить об оформлении совершенно новой системы социального неравенства и конфликта. Речь идет об исчезновении или, по крайней мере, о сокращении старого рабочего класса и появлении нового рабочего класса, характер и условия труда которого резко отличаются от этих характеристик у старого рабочего класса. Главным классом, определяющим характер и тип социальных отношений в постиндустриальном обществе, является сервисный класс, а новую социальную элиту составляют специалисты, технократы и интеллектуалы. Собственность уже не является единственным основанием членства в высших классах, новые элиты формируются, согласно, например, Д. Беллу, на основе знания и высокого уровня образования. Обладание знанием и образованием является условием вхождения в элиту и ее символом. Знание становится основным ресурсом власти.

Постиндустриальное общество демонстрирует совершенно новые социальные конфликты. Это не конфликты между трудом и капиталом, это конфликты между структурами экономического и политического принятия решения и теми, кто принужден к зависимому участию. Другими словами, это конфликт между центральными и периферийными, или маргинальными, сегментами общества.

В середине 1970-х гг. в связи с разворачиванием информационной революции постиндустриальные теории общества трансформируются в теории информационного общества. Основные тезисы постиндустриализма относительно изменения характера труда, системы социальной стратификации и неравенства, природы социального конфликта были во многом воспроизведены в теориях информационного общества. Новым моментом анализа стало выявление нового социального ресурса, определяющего облик общества и его основные социальные процессы — информации. Информация как главный ресурс современных обществ определяет главные его характеристики: а) демассификацию и дестандартизацию всех сторон экономической и социальной жизни; б) высокую инновативность, быструю скорость происходящих в обществе изменений. Именно эти два процесса определяют появление новых организационных форм, характеризующих современное общество: отказ от иерархических структур и широчайшее распространение сетевых форм организации. Теории постиндустриализма и информационного общества благодаря выявлению роли информации как социального ресурса окончательно порвали со сведением со-

циального к экономическому, с классическим классовым анализом неравенства и конфликта.

Третьим дискурсом, в котором была осуществлена фундаментальная разработка теории современности, был дискурс постмодерна. Оформившись в 1970-е гг. в работах Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Дж. Фридмана, З. Баумана, Дж. Ваттимо, он продолжает самым существенным образом определять современную социологическую мысль. Постмодернистская социология осуществляет построение теории современности через соотнесение с социальными характеристиками обществ классического модерна, опираясь на понимание модерна в той редакции, которая оформилась в социологии конца XX в. Речь идет о социологической теории обществ, сформировавшихся в последней трети XVIII в., как обществ промышленных, капиталистических, демократических, классовых (а затем массовых) и оформленных в качестве национальных государств. Культура модерна — это культура рационализма, универсализма и Просвещения, включающая и его теорию исторической и социальной роли знания и науки, теорию прогресса, концепцию человека, основу которой составляла универсалистская идентичность, ставшая основой агентности в обществах модерна. В соотнесении с этими характеристиками, через сравнение с ними и в качестве антитезы им разрабатывалась и оформлялась теория постмодерна как теория общества и культуры конца XX столетия.

Изменение природы и функций научного знания — это тезис, с которого можно начинать историю постмодернистской социологии. Исследование этого процесса приводит, например, Ж.-Ф. Лиотара к утверждению, что методологией исследования общества может быть теория языковых игр, которая выполняет роль коммуникативной теории. Лиотар дополняет ее исследованием “институций” — нормативных установлений, которые накладывают ограничения на игры. В результате общество начинает представлять как тотальный гипертекст, структура которого (если таковая имеется) определяется ограничениями, полагаемыми теорией игр и совокупностью “институций”. Содержание этого гипертекста составляют содержания, разработанные в рамках культуры на протяжении всей ее истории, метаповествования, или нарративы, как называет Лиотар различного рода теоретические построения в различных областях знания и культуры, идеологии, религии, эпосы, различного рода формы исторического сознания и культурных идентичностей, утратившие в настоящее время связь с реальностью как преимущественным объектом соотнесения.

Концептуализация современности в постмодернистской социологии приводит к созданию теории социального как массы, сопротивляющейся любому социально-трансформирующему разуму.

Теория бесконечных сетей взаимодействий, в которые “пойман” индивид, сопротивляющийся любой упорядоченности, — вот образ социального и общества в постмодернизме. Современное общество — это лишенное структуры социальное образование, это “конец социального” классической социологии. Постмодернистская социология осуществляет ревизию универсалистских теорий социального порядка и универсальной и тем более классовой идентичности, выдвигая взамен тезис мультикультурализма, культурной этнификации, распространения идентичностей, основывающихся на истории, языке, расе.

В подходах к пониманию современности и природы социальной реальности постмодернистская социология осуществила культуралистский поворот. Лиотар вводит теорию языковых игр как перспективу и методологический инструмент для прочтения общества; Ж. Бодрийяр создает теорию символического обмена и теорию общества потребления, в котором само потребление предстает как потребление знаков и символов; М. Фезерстоун создает теорию современного неравенства на основе концепции символического потребления и стиля жизни; у Дж. Ваттимо мы в наиболее концентрированном виде находим теорию природы социальной реальности как “ослабленного бытия”, современной эпохи как эпохи усиливающейся дереализации, принимающей форму эстетизации, а концепцию общества не как конфликта классов, индивидов или действий, а как совокупности и конфликта интерпретаций; З. Бауман повторяет и даже усиливает мысль Дж. Ваттимо, создавая теорию “легкого капитализма” и “текучей современности”.

Следует подчеркнуть, что несмотря на в известной мере шокирующий диагноз современности, предложенный постмодернистской социологией, ее влияние на последующие социологические разработки оказалось очень значимым.

Четвертым дискурсом, оформившимся в 90-е гг. XX в. и определившим еще одну перспективу рассмотрения современности, стали социологические теории глобализации. Фактически теории глобализации продолжили ревизию базовых представлений и понятий, созданных в социологической теории XIX–XX вв. Основу этого пересмотра составил объективный процесс глобализации, который к концу XX в. приобрел столь очевидный и оформленный характер, что фактически стал восприниматься как существо современности, главное направление ее трансформации и отличительная характеристика.

Процесс глобализации породил массу теоретико-эмпирических, или эмпирико-аналитических построений, в рамках которых были созданы различные теории глобализации. Но этот же процесс вызвал к жизни и соответствующие методологические дискуссии, ко-

торые проходили в том числе и в форме пересмотра базовых положений “социологической ортодоксии”.

Во-первых, был осуществлен отказ современной социологии от “контейнерной” теории общества, от “методологического национализма” в терминологии У. Бека и предложена разработка новых подходов, таких как “методологический космополитизм” и логика “включающей” дифференциации.

Во-вторых, были предложены разработки сетевой теории социального пространства взаимодействий в качестве новой социальной морфологии.

В-третьих, началась дискуссия о необходимости создания новой социологии — “социологии за пределами обществ”, в которой осуществляется отказ от понятия “общества” как главной социологической категории, совпадающей с предметом социологии, а также ставится задача пересмотра всей ортодоксальной социологической понятийности, создания социологии “мобильностей” и совершенно “новых правил социологического метода”.

Можно утверждать, что глобальная социология сразу вошла в современное социологическое знание как пересмотр базовых положений классической социологической теории.

“Глобальная социология, — как пишет, к примеру, Г. Тернборн, — отличается от универсалистской тем, что исходит не из чего-то предположительно общего для всех, а из глобальной вариативности, глобальной связанности и глобальной интеркоммуникации”⁶. Действительно, глобальная социология означает рассмотрение мира как совокупности структурированных социальных и культурных систем, разнообразно взаимодействующих друг с другом, а не как территории, на которой живет вовлеченное в эволюцию и модернизацию человечество. Современная история предстает как множество различных сосуществующих и сопутствующих друг другу модернов. Глобальная социология означает фундаментальный поворот исследования и воображения от нации и “североатлантического пространства” в качестве объекта соотнесения к глобальному социальному пространству безотносительно к национальным привязкам и абсолютному времени.

“Глобальная перспектива” серьезно потеснила установку классической социологии на изучение обществ, под которыми явно или неявно понимались национально-государственные образования. Глобалистское основание современной социологии реализуется в отказе современной социологии от “контейнерной” теории

⁶ *Therborn G.* At the birth of second century sociology: times of reflexivity, spaces of identity, and nodes of knowledge // *British Journal of Sociology.* 2000. Vol. 51. N 3. P. 50.

общества, жестко увязанной со своим территориальным основанием и национально-государственной организацией.

Начало этому было положено уже в работах И. Валлерстайна. Ценность исследований Валлерстайна состоит, по мнению, например Э. Гидденса, как раз в том, что он решительно порывает с эндогенной фиксированностью на внутреннем качестве обществ и переориентирует социологический интерес на изучение “мировой системы”. Вслед за Валлерстайном Гидденс подчеркивает, что социальные тотальности существуют только в контексте “интерсоциетальных систем”. Все общества в одно и то же время являются социальными системами и конструируются пересечением множества социальных систем. Множество социальных систем может быть полностью “внутри” какого-то общества или может находиться и “внутри” и “вне” данного конкретного общества. Поэтому “общества являются социальными системами, которые барельефно выступают на фоне прочих системных отношений, в которых они укоренены”⁷. Гидденс подчеркивает, что социологам пора осознать тот факт, что современные общества значительно более внутренне “регионализированы”, чем это принято было считать ранее. Внутренняя этническая “регионализация” современных обществ, “регионализация”, связанная с размещением производства, классовой структурой и другими принципами социального порядка, а также геополитические факторы, влияющие на принципы социального порядка и организации, — все это те проблемы, которые трансформируют само общество и соответственно предмет социологии в направлении исследования социальных связей, выходящих за национально-государственные границы, создания теории “интерсоциетальных систем”.

Позиция Гидденса, заменившего в своей теории “контейнерную” теорию общества на “барельефную”, указавшего на утрату современными обществами целостности, самодостаточности и даже внутренней когерентности, на недостаточность эндогенного объяснения для понимания того, что такое современные общества, на необходимость изучения обществ как интерсоциетальных систем, нашла дальнейшее развитие в социологической теории.

Понятие сети, которое встречается уже у Гидденса, под влиянием широкого распространения информационных технологий стало одним из фундаментальных социологических понятий, используемых для описания современных обществ. Фактически речь идет о том, что структурно-функционалистская и интеракционистская морфология социологической ортодоксии в целом ряде современ-

⁷ Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkely, 1984. P. 164.

ных социологических теорий заменяются сетевой морфологией общества.

Сетевые теории имеют достаточно долгую и не обязательно укорененную в теориях глобализации историю, однако именно теория глобализации придала сетевым теориям особое значение.

Сетевой анализ современного общества с опорой на глобализационные процессы в наиболее очевидной и радикальной форме присутствует в теории сетевого общества М. Кастельса. Методологическая часть его теории связана с разработкой трех фундаментальных понятий — “сеть”, “информация”, “капитализм”. На основе этих понятий Кастельс и создает свою теорию сетевого информационализма, или сетевого информационного капитализма.

По мнению Кастельса, в последние два десятилетия XX в. произошли социальные трансформации, которые заделали весь мир и конституировали новый тип социальной структуры, который и именуется “сетевое общество”. Для анализа этого общества необходимо ввести “новую технологическую парадигму”, центральными моментами которой являются основывающиеся на микроэлектронике информационно-коммуникационные технологии и генная инженерия. Знание и информация не являются определяющими факторами в сетевом обществе, знание и информация являются значимыми в любом типе общества. Поэтому следует отбросить понятие “информационное общество” в силу его неспецифичности и путанности. То, что действительно является новым в современную эпоху, — это новые сети информационных технологий. Они представляют собой более серьезные изменения, чем технологии, связанные с индустриальной революцией или информационной революцией. “Более того, мы находимся в самом начале технологической революции, и по мере того как интернет становится универсальным инструментом интерактивной коммуникации, мы сдвигаемся от компьютерноцентрированной технологии к диффузным сетевым технологиям”⁸. Именно они определяют социальную структуру и социальную морфологию. Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они являются наиболее подвижными и адаптивными формами организации, способными развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети.

⁸ *Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // British Journal of Sociology. 2000. N 51. P. 10.*

Сети децентрализуют исполнение и распределяют принятие решения. У них нет центра. Они действуют на бинарной логике: включение/исключение. Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования, что не входит — не существует с точки зрения сети и может быть проигнорировано или элиминировано.

Сети как социальные формы являются свободными от ценностей, нейтральными. Сеть является автоматом для осуществления поставленных целей. Ее программируют социальные акторы. Налицо социальная борьба за постановку целей для сетей. Но будучи запрограммированной, она навязывает свою логику всем акторам. Сети могут коммуницировать, если их цели схожи, но для этого нужны акторы, обладающие доступом к кодам, осуществляющим процесс переключения, — это акторы, наделенные властью в обществе.

Скорость и форма структурных трансформаций в обществе возвещают создание новой формы социальной организации, происходящей из широкого распространения информационных сетей как преобладающей социальной формы. «Сетевые отношения производства ведут к затемнению классовых отношений. Это не устраняет эксплуатацию, социальную дифференциацию и социальное сопротивление. Но базирующиеся на производстве социальные классы в том виде, в каком они существовали в индустриальную эпоху, прекратили свое существование в сетевом обществе»⁹.

По мнению Кастанельса, существует немного шансов на социальное изменение в рамках сетевого общества, если под социальным изменением понимать трансформации в программах сетей, постановку новой цели, следование другому набору ценностей или верований. Благодаря способности сети находить новые пути выполнения задачи путем отключения несовместимых узлов социальное изменение возможно только через два механизма. Оба они внешние по отношению к доминирующим сетям. Первый — отрицание сетевой логики через утверждение ценностей, которые не могут быть адаптированы ни одной из сетей. Второй — альтернативные сети, построенные вокруг альтернативных проектов. Религиозные, национальные, территориальные и этнические сообщества являются первым типом. Экологизм, феминизм, движение за права человека — примеры второго типа. Социальное изменение, осуществляющееся одним или другим путем, создает возможность выбора между фрагментированным коммунализмом и созиданием новой истории. Однако эта «новая история» имеет совершенно новое лицо в сравнении с обществами классического модерна и предполагает новые принципы теоретизирования.

⁹ Ibid. P. 18.

Концепцию Кастельса можно считать своего рода манифестом сетевого подхода в современной социологической теории, в том числе в методологическом плане. Многие положения концепции Кастельса приобрели парадигматическое звучание, стали весьма расхожими.

Свой вклад в отход от “социологической ортодоксии” с опорой на глобализацию и уход от “контейнерной” теории общества внес Д. Урри своей работой “Социология за пределами обществ”¹⁰. Урри ставит целью разработать те категории, которые будут иметь важное значение для социологии нового тысячелетия. Соответственно общая задача формулируется им так: создать “манифест для социологии, которая изучает различные мобильности — населения, предметов, образов, информации и отходов, а также изучает сложные взаимодействия между этими различными мобильностями и их социальные последствия”¹¹.

Все эти мобильности трансформируют предмет социологии, которая обычно фокусировала свое внимание на “индивидуальных обществах” и их общих свойствах. Развитие различных глобальных “сетей и потоков” размывает эндогенные социальные структуры, которые, как считала социология, способны воспроизводить себя. В связи с этим Урри утверждает, что понятие “социальное как общество” устарело, и считает, что в будущем оно не сможет выполнять функции понятия, организующего социологический анализ. Конкретно речь идет о новой “повестке дня” для социологии как дисциплины.

“Глобальные процессы” в своей совокупности меняют контуры современного социального опыта. Отправным пунктом анализа современной социальной ситуации могут служить следующие моменты: нет единого глобального общества; существуют “исключительные уровни” взаимозависимости; непредсказуемые ударные волны из какой-то одной части системы расходятся по всей системе; на планете есть не только “общества”, но и могущественные “империи”, охватывающие ее; наблюдается массовая мобильность людей, предметов, а также опасных отходов. Огромную роль в конституировании того или иного общества играют его отношения с другими обществами. И данное обстоятельство также требует от социологии “мобильного теоретизирования”.

Новое видение “социального” реализуется посредством ряда “новых правил метода”, важнейшее из которых состоит в использовании метафор. Урри утверждает, что наше понимание общества и социальной жизни базируется на различных метафорах и нахо-

¹⁰ Urry J. *Sociology beyond societies*. L.; N.Y., 2000.

¹¹ Ibid. P. 1.

дит отражение в них. Более того, по его мнению, “социологическая мысль, как и всякая другая форма мышления, не может реализовываться не метафорически”. Соответственно предлагаемое в его концепции теоретическое рассмотрение социальной жизни опирается на метафоры “сеть”, “поток” и “путешествие” и их различные версии. Эти и некоторые другие метафоры призваны прежде всего способствовать разработке продуктивных метафор “глобализации” и “глобального”. “Метафоры глобального” или “метафоры глобализации” приобретают особое значение в современной социологии. Основными являются метафоры “сеть” и “поток”. В первую очередь эти метафоры призваны создать новую “социальную топологию”, способную заменить топологию и метафорику “места”, вокруг которой организовано понятие “общество”.

“Сеть” не имеет в виду лишь “социальную сеть”. Ссылаясь на Кастельса, Урри пишет о том, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. Эта материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими ужимать пространство и время: оптоволоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т.п. Все эти технологии “несут” людей, информацию, деньги, образы и т.д. Они позволяют в числе прочего мгновенно пересекать и пространство национального государства и его границы.

Современные западные общества осуществляют переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к социальным отношениям, базирующимся на информационных данных и на детерриториализации. Соответственно современные государства вынуждены регулировать мобильность различного рода, прежде всего мобильность граждан. В этом государства могут опереться на новейшие компьютерные технологии сбора, хранения и распространения информации. Государства во все большей степени обладают контролем над информационными потоками, особенно базами данных, которые дают возможность определять нормативы социального действия и контролировать их внедрение на значительных географических пространствах как внутри своих территориальных пределов, так и за ними. Государство в состоянии обладать базами данных, относящихся практически ко всякому экономиче-

скому и социальному институту. Весьма значимую роль при этом играют многочисленные опросы населения.

Подводя итог своему теоретизированию, Урри указывает на то, что наиболее впечатляющих достижений социология добивалась тогда, когда “интересы эмансипации” каких-то социальных групп или движений стимулировали “социальный анализ”. В разное время такими “стимулирующими” группами были рабочий класс, фермеры, представители свободных профессий, городские протестные движения, студенческое движение, женское движение, иммигрантские группы, экологическое движение, движение геев и лесбиянок и т.д. Конечно, они большей частью воздействовали на социологию лишь опосредованно, но их влияние не вызывает сомнений. В настоящее время оформляется что-то похожее на “глобализирующееся гражданское общество”. Заметный рост транснациональных гражданских ассоциаций, повсеместное устремление к демократизации и ненасилию, огромные трудности, которые испытывают национальные государства в плане сохранения своей легитимности, а также целый ряд усиливающихся глобальных тенденций — все это способствует оформлению “глобального гражданского общества”. Именно такой набор социальных трансформаций должен образовать базу для “глобального гражданского общества” и для развития “социологии мобильностей”.

В рамках общего обсуждения методологического сдвига от “контейнерной” теории общества классической социологии к сетевому социологическому анализу и социологии мобильностей следует зафиксировать еще один эмпирико-аналитический (как его характеризует сам автор) взгляд — становление космополитического мира, требующего создания “космополитической социальной науки”, или отказа от методологического национализма и движения к новым началам социального и политического. Речь идет о теории космополитизации У. Бека. Космополитизм отличен от глобализации и в некотором смысле даже противостоит ей в том, что касается процессов унификации, стандартизации и даже универсализации.

«Расцвет социологии совпал по времени с подъемом национального государства, национализма и системы международной политики. Такая историческая связь и породила аксиоматику методологического национализма, согласно которой нация, государство и общество — это “естественные” социально-политические формы современного мира»¹². Бек считает, что “современное общество” и “современная политика” не могут быть организованы исключительно в национально-государственной форме.

¹² Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 35.

Территориальная общественная онтология национального взгляда, по его мнению, не очень хорошо сочетается с сегодняшним миром политических партий, средств массовой информации и международной политики, а также с правом и общественными науками. Именно исследования процессов транснационализации, проведенные в последнее десятилетие, заставляют усомниться в эмпирических и методологических допущениях господствующего методологического национализма, главным принципом которого является утверждение, что государство формирует национальное общество, а не наоборот. Из этого следует, что существует множество обществ — столько, сколько существует национальных государств и национальных социологий. Тем самым навязывается территориальная трактовка общества, в основе которой — установленные и контролируемые государством границы. «Эта “модель контейнера”, подразумевающая ограничивающие друг друга национальные общества, подкрепляется принципом взаимной детерминации государства и общества»¹³.

“Эмпирико-аналитический космополитизм” направлен против методологического национализма, но не вступает “в перепалку” с политическим космополитизмом. Он занят исследованием и осознанием социально-политических условий, сложившихся в XXI в. Космополитизация предполагает множественность идентичностей и лояльность множеству национальных государств. Она проявляется в институте двойного гражданства и знании иностранных языков, путешествиях, в экспорте и импорте культурных продуктов, распространенности интернета, трансграничных коммуникаций, мобильности граждан и участии этнических меньшинств в органах власти, транснациональных формах жизни, транснациональной преступности, транснациональных сообщениях СМИ. «Иначе говоря, нация покидает свой “контейнер”»¹⁴. Распространение космополитизма, констатирует Бек, означает, что закрытое общество исчезает навсегда, космополитизация означает резкое усиление открытости общества перед внешним миром.

В общем и целом можно констатировать, что социология конца XX начала XXI в. демонстрирует постоянное усилие соответствовать реальным социально-историческим изменениям на основе пересмотра и корректировки теории, а также разработки новой понятийности, методологии и нового видения исследовательского поля социологической науки.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 164.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013 (*Aleksander J. Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologija*. М., 2013).

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008 (*Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'*. SPb., 2008).

Бард А., Зондерквист Я. Немократия. Правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004 (*Bard A., Zonderkvist Ja. Nemokratija. Pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma*. SPb., 2004).

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008 (*Bek U. Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie*. М., 2008).

Бек У. Что такое глобализация. М., 2001 (*Bek U. Chto takoe globalizacija*. М., 2001).

Гидденс Э. Последствия современности. М., 2001 (*Giddens A. Posledstvija sovremennosti*. М., 2001).

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004 (*Giddens Je. Transformacija intimnosti*. SPb., 2004).

Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. М., 2004 (*Poljakova N. XX vek v sociologicheskikh teorijah obshhestva*. М., 2004).

Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от “социологической ортодоксии” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 76–93 (*Poljakova N.L. Metodologicheskie osnovanija postroenija teorii obshhestva v sociologii konca XX — nachala XXI v.: othod ot “sociologicheskoi ortodoksii”* // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2011. N 4. S. 76–93).

Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998 (*Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego*. М., 1998).

Урри Дж. Мобильности. М., 2012 (*Urri J. Mobil'nosti*. М., 2012).

Урри Дж. Социология за пределами обществ. М., 2012 (*Urri J. Sociologija za predelami obshhestv*. М., 2012).